

Уголовная политика и уголовное право сильного государства

Аннотация. Трансформации современного российского общества развиваются во многом в контексте реализации идеи сильного государства. Неопределенность и амбивалентность этой идеи, с акцентом в различных трактовках на расширение сферы участия государства в общественном пространстве либо на эффективность государственного администрирования, позволяет государству самостоятельно определять вектор государственного строительства. В России, как следует из публичных выступлений политического руководства и текущей практики, специфика сильного государства предполагает увеличение сферы влияния государства, усиление его мощи, защиту консервативных ценностей и суверенитета. Каждый из этих компонентов требует адекватного уголовно-правового сопровождения, в том числе криминализации общественно опасных посягательств. Анализ законодательной практики свидетельствует, что в общем массиве новых составов преступлений, введенных в УК РФ с 2000 г., более 40 % обеспечивали поддержку строительства сильного государства. Эту практику справедливо рассматривать в качестве отражения весьма специфического и слабо исследованного в науке концепта уголовной политики сильного государства. Такая политика ориентирована на ширящееся вслед за расширением сферы присутствия государства в социальном пространстве применение средств уголовно-правового воздействия для преимущественной защиты государственных интересов, которые состоят в обеспечении стабильного (неизменяемого) функционирования сильной вертикали власти в обществе, консолидированном, в том числе посредством норм уголовного права, на основе консервативных патриархальных ценностей. Вместе с тем она несет в себе потенциальные риски тотального государственного контроля и сокращения масштабов свободы, что требует обязательного учета и отражения в уголовно-политологическом дискурсе.

Ключевые слова: сильное государство; политический режим; государственные интересы; уголовная политика; уголовный закон; уголовно-правовая реформа; криминализация; традиционные ценности; суверенитет государства; исполнительская дисциплина.

© Пудовочкин Ю. Е., Бабаев М. М., 2023

* Пудовочкин Юрий Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
11081975@list.ru

** Бабаев Михаил Матвеевич, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института МВД России
Поварская ул., д. 25, стр. 1, г. Москва, Россия, 121069
babaevmm@yandex.ru

Для цитирования: Пудовочкин Ю. Е., Бабаев М. М. Уголовная политика и уголовное право сильного государства // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 2. — С. 131–144. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.147.2.131-144.

Criminal Policy and Criminal Law in a Strong State

Yuriy E. Pudovochkin, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor, Department of Criminal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
11081975@list.ru

Mikhail M. Babaev, Dr. Sci. (Law), Professor, Chief Researcher of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Povarskaya ul., d. 25, str. 1, Moscow, Russia, 121069
babaevmm@yandex.ru

Abstract. The modern Russian society is transforming largely in the context of the implementation of the idea of a strong state. The uncertainty and ambivalence of this idea, which in various interpretations focuses on expanding the sphere of state participation in public space or on the effectiveness of state administration, allows the state to independently determine the vector of state building. In Russia, as follows from the public statements of the political leadership and current practice, the specifics of a strong state involve an increase in the sphere of influence of the state, an increase in its power, and the protection of conservative values and sovereignty. Each of these components requires adequate criminal and legal support, including the criminalization of socially dangerous attacks. An analysis of legislative practice shows that in the total array of new offenses introduced into the Criminal Code of the Russian Federation since 2000 more than 40% provided support for the construction of a strong state. It is fair to consider this practice as a reflection of a very specific and poorly studied concept of the criminal policy of a strong state in science. Such a policy focuses on the expansion of the sphere of state presence in the social space, the use of criminal law means primarily protect state interests, which consist in ensuring the stable (unchanged) functioning of a strong vertical of power in a consolidated society, including through the norms of criminal law, based on conservative patriarchal values. At the same time, it carries the potential risks of total state control and a reduction in the scale of freedom, which requires mandatory consideration and reflection in the criminal and political science discourse.

Keywords: strong state; political regime; state interests; criminal policy; criminal law; criminal law reform; criminalization; traditional values; state sovereignty; performance discipline.

Cite as: Pudovochkin YuE, Babaev MM. Ugolovnaya politika i ugovnoe pravo silnogo gosudarstva [Criminal Policy and Criminal Law in a Strong State]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(2):131-144. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.147.2.131-144. (In Russ., abstract in Eng.).

Введение

Масштабные социальные и политические трансформации, в очередной раз переживаемые страной, вряд ли могут быть описаны посредством какой-либо одной универсальной и всеохватывающей теории. Для понимания сути происходящего, с учетом разнообразия и разно-

направленности перемен, закономерно требуется применение плюралистического комплекса теоретических конструктов, подходов, концепций, раскрывающих ту или иную грань или аспект текущих изменений. Одним из концептов, в последнее время активно используемых для описания и оценки российских трансформаций, начавшихся в первом десятилетии XXI в.

и определяющих современную конфигурацию государственного и общественного устройства, выступает концепт сильного государства.

Этому феномену сегодня посвящен значительный объем публикаций преимущественно политологического и философско-правового содержания. И хотя обоснование полноценной теории современного сильного государства еще далеко от завершения, некоторые его общие контуры и характеристики уже вполне отчетливо просматриваются. Не в нашей компетенции и не в наших целях проводить глубокий анализ понятия, признаков сильного государства и практики его воплощения в российских условиях. Наша задача скромнее: отталкиваясь от этого концепта и под его углом зрения посмотреть на трансформации российского уголовного права и уголовной политики. Полагаем очевидным и не требующим специальных доказательств тезис о том, что сильному государству требуется сильная уголовно-правовая стратегия и такая же сильная тактика. Это требование закономерно и объективно вытекает из известной связи государства и права, государственно-правовых и политико-правовых конструкций, политики и права, общеполитической и уголовно-политической линии развития государства.

Несмотря на эту «очевидность», приходится констатировать, что в уголовно-правовой и уголовно-политологической науке вопрос о связи концепции сильного государства с содержанием уголовного права не то чтобы не осмыслен надлежащим образом, но и не поставлен в полной мере. Нельзя, конечно, утверждать, что криминалисты вообще игнорировали проблематику связи политической стратегии государства и уголовного права¹. Но связь эта в любом случае анализировалась вне концептуальных рамок теории сильного государства.

Откровенно недостаточное внимание к заявленной проблеме не может быть оправданно. Зависимость уголовно-политического курса от большой политики и поддержка уголовным правом политической концепции государства — это

тезисы из разряда аксиоматичных, во многом определяющих методологию уголовно-правовых и уголовно-политических исследований. Уже только по этой причине связка сильного государства и уголовной политики должна быть концептуализирована как вполне самостоятельный вектор анализа, тем более, что исследовательские шаги в этом направлении могут привести (и приводят) к весьма интересным выводам.

«Сильное государство»: базовые подходы к пониманию

Концепт «сильное государство» может быть понят в рамках двух не исключающих друг друга, но задающих различные направления анализа установок.

С одной стороны, сила государства противопоставляется его слабости исходя из того, насколько эффективно, успешно государство в осуществлении собственных функций: способно ли оно принимать и обеспечивать исполнение необходимых нормативных правовых актов, гарантировать безопасность граждан и общества, соблюдать права человека, собирать налоги, противостоять внешней агрессии и т.д. Это один из наиболее старых, вечных аспектов понимания силы. Можно вполне ответственно заявлять о том, что сильное в этом смысле государство является идеалом, желаемым образцом, к достижению которого стремятся все народы на всем протяжении истории человечества.

С другой стороны, сильное государство противопоставляется слабому в рамках рассуждений об объеме управленческих, охранительных и иных функций, принадлежащих государству, в противовес функциям, исполнение которых берут на себя гражданское общество и международные (межгосударственные) структуры. В этом смысле концепт слабого государства есть в значительной степени порождение вызывающих многочисленные дискуссии и неоднозначные оценки либеральных учений, ориентированных

¹ См., например: *Овчинский В. С.* Радикальный либерализм, сильное государство и уголовная политика // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2008. № 2 (15). С. 78–84 ; *Клейменов И. М.* Три модели национальной уголовной политики в условиях глобализации // Правоприменение. 2017. Т. 1. № 4. С. 129–139.

на сокращение присутствия государства в общественной жизни², однако сокращение (и это надо признать) не в ущерб эффективности общей системы политического управления. Слабое государство здесь не есть государство изначально неэффективное, это государство, которое эффективно делит свои функции или отдает часть своих функций иным управленческим структурам.

Эти различающиеся аспекты силы государства хорошо обозначены и противопоставлены в известной работе Ф. Фукуямы, который справедливо отмечал, что одна из распространенных ошибок в рассуждениях о сильном государстве состоит в использовании самого слова «сила» как в отношении «сферы влияния», так и в отношении «мощи» государства³.

Между тем различие это необходимо для понимания одного крайне важного аспекта концепции, связанного с потенциальной возможностью установления связи между силой государства и политическим режимом⁴.

Некоторые исследователи прямо постулируют подход, согласно которому под сильным понимается государство, в существенной степени контролирующее общество, широко использующее методы принуждения и подавления в отношении своих граждан, использующее страх перед преступностью и выразительную политику обеспечения правопорядка для укрепления своей позиции, решительно подавляющее сопротивление населения действиями властей. Как правило, в этом случае речь идет о государ-

стве, в котором реализован антидемократический политический режим⁵.

Другие же авторы категорически настаивают на недопустимости отождествления сильного государства с недемократическим. По их мнению, нельзя ставить знак равенства между сильным государством и авторитарным или полуавторитарным политическим режимом, поскольку сила государства зависит скорее от его эффективности, оперативности и легитимности во всех сферах его деятельности, а потому сильным может быть как либеральное, так и авторитарное государство⁶.

Как видим, в этих подходах к пониманию сильного государства есть существенная корреляция в первом случае с политикой усиления «сфер влияния» государства, во втором — с усилением его «мощи». Разумеется, теоретические модели являются идеализированными и в некотором смысле полярными образами, в пространстве которых способна развиваться практика построения сильного государства в той или иной отдельно взятой стране. В этом плане они никогда не воплощаются на практике в чистом виде. Однако они задают надежную систему координат для оценки практики государственного строительства и государственной политики.

В рассуждениях о теоретических концептах сильного государства надо обратить внимание еще на один момент, связанный с предыдущими, во многом вытекающий из них, но акцентирующий внимание на целевой ориентации

² А. Д. Керимов и С. А. Хвоевский прямо и безапелляционно пишут по этому поводу: «Давно провозглашенный и, как ни парадоксально, до сих пор отстаиваемый наиболее рьяными сторонниками либерализма постулат “Чем меньше государства, тем лучше” (требование так называемого “государства-минимума”, “минимального” или “маленького государства”) в современных условиях оказывается совершенно неприемлемым. Строго говоря, он неприемлем не только в современных условиях, а в принципе, на всем протяжении истории человечества» (см.: Керимов А. Д., Хвоевский С. А. Признаки сильного государства // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2011. № 4 (12). С. 108).

³ Фукуяма Ф. Сильное государство: управление и мировой порядок в XXI веке. М.: АСТ, Хранитель, 2006. С. 21.

⁴ См. об этом подробнее: Понкин И. В. Сильное государство // Право и государство. 2018. № 1–2 (78–79). С. 53–70.

⁵ Simon J. Law's Violence, the Strong State, and the Crisis of Mass Imprisonment (for Stuart Hall) // Wake Forest Law Review. 2014. Vol. 49. P. 655.

⁶ Rice S. E., Patrick S. Index of State Weakness in the Developing World. Washington, DC: The Brookings Institution, 2008. P. 3.

сильного государства. С одной стороны, сильное государство мыслится как структура, обеспечивающая эффективное развитие общества, разрешение его внутренних проблем, гарантирующее идеалы права и справедливости. С другой стороны, сильное государство предполагается как такое образование, которое обладает наибольшим весом на международной арене, возможностями оказывать давление на другие государства как посредством использования норм международного права, так и иными средствами. Эти аспекты понимания (коррелирующие с внутренними и внешними функциями государства) не противопоставляются друг другу, но выявляют опять же различные нюансы проявления силы.

Сильное государство в России: выбор и конфигурация концепта

Россия на рубеже XX–XXI вв. оказалась в уникальной ситуации, когда ослабленное в понимании мощи государство столкнулось с процессом (неважно в данном случае, сознательно выбранным или навязанным) сокращения сфер влияния. Не будет, пожалуй, большим преувеличением сказать, что это историческое совпадение обусловило глубочайший кризис российской государственности, во многом угрожавший самому его существованию. Будучи экономически и институционально ослабленным, российское государство с традиционно неразвитым гражданским обществом могло претендовать исключительно на роль ведомого в глобализационных процессах либерального сокращения сфер государственного влияния, что служило дополнительным ослабляющим фактором. В таких условиях (как бы пафосно это ни звучало) объективная потребность в сохранении самого

российского государства требовала обращения к идее сильного государства.

О необходимости усиления государства высшее политическое руководство страны стало прямо говорить на этапе смены лидерства в конце 1990-х — начале 2000-х гг. В качестве добротной эмпирической основы для исследования официального дискурса на эту тему выступают ежегодные президентские послания Федеральному Собранию РФ.

Так, в Послании Федеральному Собранию РФ Президента РФ Б. Н. Ельцина, оглашенном в 1999 г., констатировалось, что фактором, способствовавшим формированию и нарастанию кризисных явлений в экономике, социальной, политической и духовной сфере, стала слабость государства. Специально подчеркивалось, что без укрепления государства в России не удастся преодолеть кризис и осуществить глубокие преобразования⁷.

Эта идея преодоления слабости государства стала определяющей для формирования и реализации внутренней и внешней политики российского государства в начале XXI в. Уже в первом Послании Президента РФ В. В. Путина Федеральному Собранию РФ⁸ был отчетливо провозглашен курс на построение сильного государства: «Единственным для России реальным выбором может быть выбор сильной страны. Сильной и уверенной в себе. Сильной — не вопреки мировому сообществу, не против других сильных государств, а вместе с ними». Ответ на многие вызовы современности, утверждал Президент, невозможен без укрепления государства. «Без этого нельзя решить ни одну общенациональную задачу».

При этом если в 1999 г. и 2000-х гг. идея сильного государства озвучивалась в посланиях по логике «надо строить — будем строить», то Послание 2001 г.⁹ можно рассматривать как реше-

⁷ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 30.03.1999 «Россия на рубеже эпох (О положении в стране и основных направлениях политики Российской Федерации)» // Российская газета. № 60. 31.03.1999.

⁸ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 08.07.2000 «Какую Россию мы строим» // Российская газета. № 133. 11.07.2000.

⁹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию «Не будет ни революций, ни контрреволюций» // Российская газета. № 66. 04.04.2001.

тельное провозглашение начала строительства. Все последующие послания Президента РФ Федеральному Собранию были акцентированно наполнены идеей построения сильного государства и конкретными рекомендациями по ее воплощению в жизнь. Судя по официальной риторике (разумеется, небеспочвенной и подкрепленной реальными действиями власти), эта идея воплощена в жизнь. Если в Послании 2003 г.¹⁰ Президент прогнозировал, что «нашим принципиальным результатом должно стать возвращение России в ряды богатых, развитых, сильных и уважаемых государств мира», то уже в Послании 2020 г.¹¹ он констатировал как свершившийся факт то обстоятельство, что «Россия вернулась в международную политику как страна, с мнением которой нельзя не считаться».

Анализируя содержание президентских посланий за 2000–2021 гг. (и тем более анализируя только их), разумеется, невозможно составить полноценной концепции сильного государства, реализуемой российской властью. Это, при всей увлекательности, и не наша задача. Тем не менее некоторые соображения на этот счет высказать всё же необходимо, поскольку специфика конфигурации концепта «сильное государство» в официальных президентских посланиях во многом определяет и интересующий нас уголовно-политический компонент властвования. При этом с точки зрения прикладного воплощения концепта в уголовно-правовой сфере важно обратить внимание на то, в каком направлении — мощи или сфер влияния — развивалась практика усиления государства.

Если соотносить тезисы президентских посланий с моделями мощи и сфер влияния, не будет большой ошибкой признать, что в 2000–2004 гг. речь шла по преимуществу о государстве «мощном» и «эффективном». Однако

анализ последующих президентских посланий позволяет установить, что в этом общем картине, при сохранении «эффективно-демократического» антуража, отчетливо обозначились нюансы, которые придают официальной российской доктрине сильного государства некий специфический оттенок.

Таковых, на наш взгляд, два основных.

Прежде всего, идея сильного государства четко ассоциирована с укреплением суверенитета страны на международной арене, противостоянием попыткам построения однополярной модели мироустройства и защитой от внешнего давления. В 2005–2007 гг. концепт суверенной демократии стал основой политической философии Президента. В Послании Федеральному Собранию 2007 г.¹², отмечая необходимость и неизбежность суверенного развития страны «без навязывания моделей развития и форсирования естественного хода исторического процесса», признавая наличие противников этого курса, которые под «демократизаторскими лозунгами» стремятся лишить страну экономической и политической самостоятельности, вмешиваясь в ее внутренние дела, Президент РФ в очередной раз подчеркнул непреложную ценность суверенитета страны. Эти же тезисы, местами с более жесткими формулировками, В. В. Путин повторил в Мюнхенской речи¹³ и Валдайской речи¹⁴.

Во вторую очередь (порядок изложения в данном случае не связан с приоритетом) концепт сильного государства связан с идейной консолидацией общества вокруг устойчивого набора социальных ценностей и нравственных ориентиров. При этом интересно отметить очевидную эволюцию официальных взглядов на набор этих ценностей.

В посланиях, оглашенных до 2009 г., ключевой ценностью провозглашалось именно демо-

¹⁰ Послание Президента РФ Федеральному Собранию // Российская газета. № 93. 17.05.2003.

¹¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 15.01.2020 // Российская газета. № 7. 16.01.2020.

¹² Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 26.04.2007 // Российская газета. № 90. 27.04.2007.

¹³ Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности (10 февраля 2007 г.) // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (дата обращения: 22.08.2022).

¹⁴ Выступления и дискуссия на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай». Тема заседания — «Мировой порядок: новые правила или игра без правил?» (24 октября 2014 г.) // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/46860> (дата обращения: 23.08.2022).

кратическое развитие страны. Однако ситуация с публичной репрезентацией ценностных ориентаций качественно меняется с момента президентских выборов 2012 г., когда отчетливо стал заметен поворот от либеральных ценностей к консервативным, от идеи первоценности личности и прав человека к идее служения человека государству и непреложному тождеству личных и государственных интересов. Новая конфигурация общих ценностей была органично увязана с культурно-исторической самобытностью русского народа и защитой суверенитета страны¹⁵.

Обобщенный взгляд на содержание официальных выступлений Президента РФ позволяет создать вполне отчетливое представление о специфике российской концепции сильного государства. Она, как нам видится, держится сегодня на трех китах: институциональная мощь государства + консолидация общества вокруг консервативных, государственных ценностей + суверенитет. При этом именно обеспечение суверенитета может позиционироваться в качестве главной цели, средством достижения которой выступает эффективное государство и консолидированное общество.

Подчеркнем принципиально важное обстоятельство: представленные нами общие параметры модели сильного российского государства являются итогом интерпретации исключительно официальных политических выступлений Президента РФ. Насколько эти идеи совпадают с реальной практикой и в чем конкретно состоит практическое воплощение этих идей, а равно политологическая и теоретико-правовая оценка сильного российского государства с точки зрения стандартных представлений о либеральной демократии и консолидированном авторитаризме, — тема отдельного разговора, выходящего за пределы нашей компетенции. Нам важнее посмотреть на то, как эти идеи сильного государства отражались на уголовно-правовых решениях.

Уголовно-правовое сопровождение практики строительства сильного государства

В современной российской научной литературе предпринимаются многочисленные попытки выявить и сформулировать основные признаки сильного государства¹⁶. Притом что сам этот концепт предполагает порой существенно различающиеся оценки и способен обладать, с учетом конкретно-исторических условий того или иного государства, специфическим наполнением, есть некоторые черты сильного государства, вокруг которых сложился вполне устойчивый исследовательский консенсус. Потому представляется возможным именно сквозь призму этих признаков посмотреть на практику уголовно-правового законотворчества. Точкой отсчета при этом целесообразно взять начало 2000-х гг., поскольку активная практика строительства сильного государства началась именно в этот период. Учитывая, что уголовное право всегда по природе своей подключается для защиты наиболее важных, приоритетных целей развития государства, изучение под этим углом зрения динамики уголовного законодательства позволит понять или вскрыть истинный замысел государственного строительства, существенно уточнить и конкретизировать реальные характеристики сильного российского государства. Но самое главное, полученный материал станет исходным уже для уголовно-политической оценки решений, поддерживающих концепцию сильного государства.

А. Сильное государство предполагает расширение сферы государственного управления

Этот признак сильного государства отражает тот аспект его построения и функционирования, который связан с присутствием государства в социальном пространстве, объемом выполняемых им функций, сферой отношений, подлежащих государственному регулированию. В сфере уго-

¹⁵ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 12.12.2012 // Российская газета. № 287. 13.12.2012.

¹⁶ См. об этом, например: Керимов А. Д., Куксин И. Н. Сильное государство как определяющий фактор общественного прогресса. М. : Норма, Инфра-М, 2017 ; Белов Л. П. Сильное государство: к построению теоретической модели // Управленческое консультирование. 2019. № 4. С. 114–122 ; Малиновский А. А. Концепт «сильное государство» в политико-правовом измерении // RUDN Journal of Law. 2021. Т. 25, № 3. С. 506–526.

ловно-правового нормотворчества о нем можно судить в первую очередь на основании данных о криминализации деяний, связанных с нарушением тех или иных нормативно установленных правил выполнения какой-либо деятельности, которая ранее либо не регулировалась вовсе, либо регулировалась в существенно меньшем (по охвату и степени детализации) объеме.

Обращение к тексту уголовного закона свидетельствует, что наиболее активное распространение государственного участия закономерно наблюдалось в области регулирования экономических и управленческих отношений (подчеркнем: речь идет именно о расширении сферы регулирования, то есть о дополнении закона новыми, дополнительными к уже имеющимся предписаниями):

- расширена сфера обязательной маркировки товаров и продукции (ст. 171.1 УК РФ);
- детализованы правила рынка алкогольной продукции (ст. 171.3, 171.4 УК РФ);
- установлены правила игорного бизнеса (ст. 171.2 УК РФ);
- уточнены правила оборота древесины (ст. 191.1 УК РФ);
- упорядочен рынок лекарственных средств (ст. 235.1, 238.1 УК РФ);
- детализованы и обновлены правила привлечения юридическими лицами денежных средств населения (ст. 171.5, 172.2, 200.3 УК РФ);
- регламентирована сфера проведения археологических раскопок (ст. 243.2, 243.3 УК РФ);
- расширена сфера управления в области регистрационного учета граждан (ст. 322.2, 322.3, 330.2 УК РФ).

Б. Сильное государство требует исполнительской дисциплины

В данном случае речь идет о соблюдении установленных правил и регламентов со стороны субъектов управленческой деятельности, причем как должностных лиц государственных и муниципальных органов и учреждений, так и корпоративных управленцев:

- введена ответственность за различного рода нарушения регистрационной и учетной дисциплины (ст. 170.1, 170.2, 172.1, 185.5, 285.3, 292.1 УК РФ);

- усилена ответственность за соблюдение правил расходования бюджетных и иных государственных средств (ст. 285.1, 285.2, 285.4, 201.1, 200.4 УК РФ);

- развернута масштабная антикоррупционная программа: помимо многочисленных реформ «стандартного» набора антикоррупционных норм, появились и новые предписания (ст. 291.1, 291.2, 200.5, 200.7 УК РФ);

- установлена ответственность за неисполнение приказа (ст. 286.1 УК РФ).

В. Сильное государство основано на мощном финансово-экономическом базисе

В уголовно-правовом отношении обеспечение этого признака обусловило:

- существенную корректировку норм об ответственности за неисполнение финансовых обязанностей перед государством (ст. 193, 194, 198, 199, 193.1, 199.3, 199.4 УК РФ);

- стремление использовать возможности уголовного закона для пополнения государственного бюджета: возвращение института конфискации имущества в качестве иной меры уголовно-правового характера; конструирование меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа; создание специальных норм, обеспечивающих возможность освобождения от уголовной ответственности в связи с возмещением причиненного преступлением ущерба; насыщение санкций статей Особенной части Уголовного кодекса наказанием в виде штрафа и изменение параметров самого штрафа как вида уголовного наказания.

Г. Сильное государство претендует на внедрение и поддержку государственной идеологии

Обеспечивая поддержку официально признаваемых ценностей, нравственных ориентиров и взглядов, уголовное законодательство:

- жестко контролирует в определенных сферах распространение информации, отличной от официальной (ст. 207.1, 207.2, 207.3 УК РФ);
- защищает официально декларируемые идеологические установки (ст. 243.4, 280.3, 282.4, 354.1 УК РФ);
- стремится противостоять иностранному и международному влиянию на формирование

идейного и общественно-политического фона в стране (ст. 330.1, 284.1, 284.2 УК РФ);

— контролирует публичное выражение мнений (ст. 212.1 УК РФ).

Д. Сильное государство отстаивает свой суверенитет во внутрисударственной сфере и на международной арене

В данном случае речь идет об уголовно-правовой защите важнейших аспектов функционирования органов государственной власти и государства как такового:

— активизация защиты порядка создания и функционирования органов государственной власти (ст. 141.1, 142.1, 142.2, 280.4 УК РФ);

— создание и последующее масштабное реформирование антиэкстремистских норм уголовного закона (Федеральный закон от 25.07.2002 № 112-ФЗ¹⁷ и др.);

— усиление защиты территориального суверенитета (ст. 280.1, 280.2 УК РФ);

— усиление охраны государственной тайны (ст. 275.1, 283.1, 283.2 УК РФ);

— укрепление собственно уголовно-правового суверенитета (реформирование ст. 12 федеральными законами от 27.07.2006 № 153-ФЗ¹⁸, от 06.07.2016 № 375-ФЗ¹⁹; изменение порядка исполнения решений международных судов).

Представленный перечень уголовно-правовых решений, поддерживающих и отражающих практику строительства сильного государства в России, не претендует на то, чтобы быть полным, точным и неоспоримым. Очевидно, что некоторые из уголовно-правовых новаций в нем не отражены, некоторые из отраженных могут быть помещены в иные или сразу в несколько

классификационных групп. Не отражает этот перечень и ситуаций, когда толкование и применение уголовного закона в соответствии с корректировками политического курса менялось без формального изменения текста уголовного закона.

И вместе с тем его презентация представляется нам крайне важной.

Во-первых, она объективно подтверждает наличие уголовно-правового сопровождения концепции сильного государства по всем его основным признакам, включая признаки, специфичные для российской модели, и более того, позволяет акцентировать специфику российского сильного государства: увеличение сферы влияния государства, увеличение его мощи, защиту консервативных ценностей и суверенитета.

Во-вторых, позволяет признать, что корректировка уголовного закона начиная с 2000 г. была по преимуществу подчинена целям и идеалам сильного государства. Согласно нашим подсчетам, только конкретно упомянутые в приведенном списке новые статьи Особенной части составляют 41,2 % от общего числа новых статей, введенных в Особенную часть Кодекса за всё время его действия.

В-третьих, демонстрирует тот факт, что масштабное закрепление конструкта и идей сильного государства в уголовном законе началось после 2009 г., что совпадает с предложенной ранее периодизацией уголовно-правовых трансформаций.

Сказанное позволяет вполне уверенно констатировать, что одним из направлений, или компонентов, текущей трансформации уго-

¹⁷ Федеральный закон от 25.07.2002 № 112-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О противодействии экстремистской деятельности”» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/18437> (дата обращения: 23.08.2022).

¹⁸ Федеральный закон от 27.07.2006 № 153-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма” и Федерального закона “О противодействии терроризму”» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/24151> (дата обращения: 23.08.2022).

¹⁹ Федеральный закон от 06.07.2016 № 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41113> (дата обращения: 23.08.2022).

ловной политики была (и остается) поддержка (и сопровождение) практики построения в стране сильного государства.

Уголовная политика сильного государства

Уголовная политика сопровождения практики построения сильного государства и уголовная политика сильного государства — тесно связанные, но в теоретическом отношении не в полной мере совпадающие феномены. И то и другое, безусловно, аффилировано с концептом сильного государства и не может реализовываться государством слабым. Вместе с тем очевидные различия между ними состоят в субъекте политики (выступает ли им государство, стремящееся стать сильным или уже обладающее признаками сильного), в ее целях (направлена ли политика в первую очередь на поддержку становящейся мощи государства или преследует дальнейшие, перспективные цели функционирования сильного государства), в степени влияния на реализуемый уголовно-политический курс субъектов гражданского общества и международного права, а равно видах субъектов, имеющих влияние, в наличии и характере влияния на уголовно-политический курс практики слабого государства и т.д.

Вполне можно говорить о том, что на этапе формирования сильного государства уголовная политика используется преимущественно для обеспечения признаков силы, тогда как сформированное сильное государство использует уголовную политику для достижения своих целей. Различия эти, конечно, не всегда явственны и не имеют строгой хронологической последовательности, но они отражают важные оттенки, нюансы реализуемого уголовно-политического курса и способны стать основой для его оценки.

В имеющейся (как уже отмечалось, крайне немногочисленной) литературе уголовная политика сильного государства описывается весьма схематично и с существенно различающимися акцентами.

Так, В. С. Овчинский делает упор на то, что уголовная политика сильного государства не может и не должна быть излишне либеральной, противопоставляя тем самым либеральную уголовную политику уголовной политике сильного государства и в целом либеральное государство сильному. Он пишет: «Опасности радикал-либерализма в уголовной политике особенно наглядно проявляются при рассмотрении их в призме концепции “сильного государства”»; «серьезным искажением современной российской уголовной политики является гипертрофированно-либеральный подход к самой сути этой политики»; «надо избавиться от иллюзий, что максимальная либерализация уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства способна позитивно повлиять на результаты уголовной политики». В этом контексте предлагаются и некоторые «рецепты» сильной уголовной политики: ограничение сферы применения суда присяжных, жесткое реагирование на малозначительные преступления и проступки, создание и расширение сети специальных профилактических учреждений для маргинальных слоев, возвращение конфискации имущества и смертной казни как видов уголовных наказаний²⁰. С этими тезисами пересекаются суждения специалистов, высказанные в крайне непростой в криминологическом отношении период роста преступности: «Уголовная политика не может и не должна быть либеральной во время разгула преступности»; «его [либерализма] опасное свойство — прекраснодушная мечтательность, уводящая от зачастую суровой действительности в мир красивых грез, порой откровенных химер. Но надо не мечтать, а действовать. Сообразуясь с обстановкой. А она в интересующей нас области такова, что требует решительных и бескомпромиссных, наступательных и жестких (но, конечно, не жестоких) мер противодействия криминалу... В противном случае либеральные заклинания, если они будут определять суть уголовной политики, могут завести общество очень далеко, возможно

²⁰ Овчинский В. С. Указ. соч. С. 78–84.

туда, откуда не будет возврата в лоно цивилизации»²¹.

В работах И. М. Клейменова в продолжение критики либеральной модели уголовной политики²² отмечается, что доктрине сильного государства отвечает суверенная модель национальной уголовной политики решительного противодействия преступности. Позитивными свойствами (или признаками) такой политики автор называет: независимость (государство руководствуется собственным видением адекватного ответа на криминальные вызовы); стремление к реализации равенства всех перед законом; стратегическое уголовно-политическое планирование с четким системным определением целей и задач; криминологическое обеспечение, что проявляется в разработке криминологического законодательства, наличии криминологической организационной структуры в правоохранительных органах, подготовке специалистов криминологического профиля; внимание к решению проблем социальной политики; реалистичность, соответствие достигнутых результатов заданным целям²³. Отметим, что приведенные признаки, по нашему представлению, не являются специфичными именно для суверенной политики и не отражают каких-либо особых, отличительных свойств политики сильного государства. В основной массе это типичный, стандартный набор признаков (характеристик) любой нормальной уголовной политики, вне зависимости от того, насколько либеральной или нелиберальной она является, вне зависимости от того, придерживаются субъекты, ее реализующие, идей сильного государства или нет. В разряд отличительных в концепции И. М. Клейменова могут быть отнесены лишь признаки решительности (что коррелирует с антилиберализмом в трактовке В. С. Овчинского и А. И. Алексеева) и независимости от стандартов международных организаций и экспертов.

Как видим, в сухом остатке имеющиеся рассуждения об уголовной политике силь-

ного государства сводятся к тому, что она не может и не должна быть либеральной (или излишне либеральной) и предполагает решительное наступление на преступность по всем фронтам с использованием всего арсенала уголовно-правовых и криминологических средств.

Такое понимание уголовной политики сильного государства, с одной стороны, вполне возможно. Но, с другой стороны, оно не выявляет всей специфики исследуемого объекта, является неполным.

Внимательный анализ позволяет зафиксировать некоторые дополнительные черты и признаки, свойственные политике российского сильного государства. Среди них:

- существенное расширение сферы криминализации общественно опасных деяний, вызванное расширением сферы государственного регулирования, проникновения государственно-регулирующих начал в более широкий круг общественных отношений;

- занижение порога общественной опасности деяний, достаточного для их криминализации и применения уголовно-правовых средств противодействия;

- существенная корректировка приоритетов уголовно-правовой охраны в пользу первоочередной защиты государственных и общественных интересов;

- активное, а зачастую и приоритетное, использование уголовно-правовых средств для решения текущих социальных и политических проблем;

- подключение уголовно-правовых средств не просто для защиты, но для формирования и консервации официальных ценностных и политических ориентиров;

- активное использование образов внешнего и внутреннего врага для конструирования уголовно-правовых запретов;

- одновременное усиление символизма и фискального прагматизма в содержании и

²¹ Алексеев А. И. Должна ли уголовная политика быть либеральной? // Черные дыры в российском законодательстве. 2003. № 1. С. 259–267.

²² Клейменов И. М. Либеральная уголовная политика и ее криминологические последствия // Российский криминологический журнал. 2009. № 2. С. 280–284.

практике применения наказания и иных мер уголовно-правового характера;

— избирательное отношение к международным стандартам и правилам в части регулирования уголовно-правовых отношений;

— расширение потенциально возможной сферы применения уголовного закона в пространстве и по кругу лиц.

Заключение

Анализ связи концепта сильного государства и уголовной политики (вероятно, неполный и требующий дополнительной проверки) позволяет нам сделать несколько выводов, как полагаем, интересных для понимания и оценки текущей уголовно-политической ситуации.

А. Сильное государство — концепт амбивалентный, вызывающий общее согласие относительно необходимости эффективного функционирования государства и жаркие дебаты относительно возможности или необходимости расширения сфер государственного регулирования и параметров закрытости от внешнего воздействия. В силу этого конфигурация силы в каждом отдельном государстве может существенно различаться. В современном российском государстве, как мы можем судить, вполне явственно наблюдается эффект дрейфа от понимания силы в значении «мощь» к пониманию силы в значении «сфера влияния», который сочетается с нарастающей практикой выстраивания жестких барьеров на пути любого внешнего воздействия на реализуемый государством внутриполитический и внешнеполитический курс.

Б. Такая конфигурация параметров сильного государства обеспечила вполне осязаемый облик уголовной политики, ориентированной на расширяющееся вслед за расширением сферы присутствия государства в социальном пространстве применение средств уголовно-правового воздействия для преимущественной защиты государственных интересов, которые в кратком изложении состоят в обеспечении стабильного (неизменяемого) функционирования сильной вертикали власти в обществе, консолидированном, в том числе посредством норм уголовного права, на основе консервативных патриархальных ценностей.

В. Сильное государство как инструмент воплощения и поддержания конституционных стандартов жизни, не утратив своей инструментальной ценности, превратилось, по сути, в самоценность, сказать грубо — фетиш. Такое государство и только такое государство мыслится сегодня в качестве единственно возможного средства сохранения России как страны, российской цивилизации, российской культуры, жизни, прав, свобод и безопасности каждого отдельного гражданина. В этом отношении совершенно не случайными выглядят заявления Президента РФ о цивилизационно обусловленной нерасторжимой связи интересов любого носителя русской культуры и российского государства²⁴, а равно заявления Председателя Конституционного Суда РФ о «юридической бессмыслице» дилеммы свободы и безопасности²⁵. Новое прочтение диалектики личности и государства, свободы и безопасности, вуалируемое словами о «единении», «служении», «взаимной ответственности», «балансе конституционных ценностей» и т.д., зачастую прикрываемое цита-

²³ Клейменов И. М. Три модели национальной уголовной политики в условиях глобализации. С. 131.

²⁴ Путин В. В. Россия сосредотачивается — вызовы, на которые мы должны ответить // Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2012. № 1. С. 6–16.

²⁵ Зорькин В. Д. Право против хаоса : доклад на Международной научно-практической конференции «Стратегия национального развития и задачи российской юридической науки» (Москва, 24 ноября 2015 г.) // URL: <http://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=73> (дата обращения: 13.08.2022).

тами и ссылками и на труды русских религиозных философов и консервативных правоведов позапрошлого столетия²⁶, по факту означает отказ от обсуждения самой диалектики, от признания наличия противоречий между ними и их анализа. Такая позиция по сути своей выводит личность и свободу за пределы самостоятельного политико-правового дискурса, позволяя сосредоточиться исключительно на государстве и его безопасности.

Г. Внешним результатом подобной уголовной политики выступает закономерное сокра-

щение объемов преступности, девиантности, инакомыслия. Это результат, который не может не радовать криминологов. Но вместе с тем его достижение ставит значимый (и, прямо скажем, опасный в политическом отношении) вопрос: какова цена достигнутого уровня безопасности? Для нас очевидно, что за него приходится платить тотальным государственным контролем и сокращением масштабов свободы²⁷, что в современных условиях облекается в красивые одежды политики сильного государства, во многом дискредитируя саму идею сильного государства.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексеев А. И. Должна ли уголовная политика быть либеральной? // Черные дыры в российском законодательстве. — 2003. — № 1. — С. 259–267.
 2. Белов Л. П. Сильное государство: к построению теоретической модели // Управленческое консультирование. — 2019. — № 4. — С. 114–122.
 3. Дубинина М. А. Политические идеи И. А. Ильина в контексте реформирования современного российского государства : автореф. дис. ... канд. полит. наук. — М., 2010. — 27 с.
 4. Керимов А. Д., Куксин И. Н. Сильное государство как определяющий фактор общественного прогресса. — М. : Норма, Инфра-М, 2017. — 96 с.
 5. Керимов А. Д., Хвоевский С. А. Признаки сильного государства // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). — 2011. — № 4 (12). — С. 103–118.
 6. Клейменов И. М. Либеральная уголовная политика и ее криминологические последствия // Российский криминологический журнал. — 2009. — № 2. — С. 280–284.
 7. Клейменов И. М. Три модели национальной уголовной политики в условиях глобализации // Правоприменение. — 2017. — Т. 1. — № 4. — С. 129–139.
 8. Лунеев В. В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. — М. : Норма, 1999. — 497 с.
 9. Малиновский А. А. Концепт «сильное государство» в политико-правовом измерении // RUDN Journal of Law. — 2021. — Т. 25. — № 3. — С. 506–526.
 10. Овчинский В. С. Радикальный либерализм, сильное государство и уголовная политика // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2008. — № 2 (15). — С. 78–84.
 11. Понкин И. В. Сильное государство // Право и государство. — 2018. — № 1-2 (78-79). — С. 53–70.
 12. Путин В. В. Россия сосредотачивается — вызовы, на которые мы должны ответить // Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. — 2012. — № 1. — С. 6–16.
-
- ²⁶ Реанимация их идей в современном общественно-политическом пространстве общепризнана. См. об этом, например: Дубинина М. А. Политические идеи И. А. Ильина в контексте реформирования современного российского государства : автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2010 ; Тимофеев М. С. Н. Я. Данилевский и цивилизационные основы сильного российского государства // Вестник Российского университета кооперации. 2015. № 3 (21). С. 125–129 ; Чупахина Н. А. Л. П. Карсавин о возможных судьбах России // Философский полилог. 2019. № 1. С. 153–174 и др.
- ²⁷ См. об этом: Лунеев В. В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. М. : Норма, 1999. С. 69–81.

13. Тимофеев М. С. Н. Я. Данилевский и цивилизационные основы сильного российского государства // Вестник Российского университета кооперации. — 2015. — № 3 (21). — С. 125–129.
14. Фукуяма Ф. Сильное государство: управление и мировой порядок в XXI веке. — М. : АСТ, Хранитель, 2006. — 220 с.
15. Чупахина Н. А. Л. П. Карсавин о возможных судьбах России // Философский полилог. — 2019. — № 1. — С. 153–174.
16. Rice S. E., Patrick S. Index of State Weakness in the Developing World. — Washington, DC : The Brookings Institution, 2008. — 47 p.
17. Simon J. Law's Violence, the Strong State, and the Crisis of Mass Imprisonment (for Stuart Hall) // Wake Forest Law Review. — 2014. — Vol. 49. — P. 649–676.

Материал поступил в редакцию 17 октября 2022 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Alekseev A. I. Dolzhna li ugovornaya politika byt liberalnoy? // Chernye dyry v rossiyskom zakonodatelstve. — 2003. — № 1. — S. 259–267.
2. Belov L. P. Silnoe gosudarstvo: k postroeniyu teoreticheskoy modeli // Upravlencheskoe konsultirovanie. — 2019. — № 4. — S. 114–122.
3. Dubinina M. A. Politicheskie idei I. A. Ilina v kontekste reformirovaniya sovremennogo rossiyskogo gosudarstva: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk. — M., 2010. — 27 s.
4. Kerimov A. D., Kuksin I. N. Silnoe gosudarstvo kak opredelyayushchiy faktor obshchestvennogo progressa. — M.: Norma, Infra-M, 2017. — 96 s.
5. Kerimov A. D., Khvoevskiy S. A. Priznaki silnogo gosudarstva // Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta sotsialnykh tekhnologiy). — 2011. — № 4 (12). — S. 103–118.
6. Kleymenov I. M. Liberalnaya ugovornaya politika i ee kriminologicheskie posledstviya // Rossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal. — 2009. — № 2. — S. 280–284.
7. Kleymenov I. M. Tri modeli natsionalnoy ugovornoj politiki v usloviyakh globalizatsii // Pravoprimerenie. — 2017. — T. 1. — № 4. — S. 129–139.
8. Luneev V. V. Prestupnost XX veka. Mirovye, regionalnye i rossiyskie tendentsii. — M.: Norma, 1999. — 497 s.
9. Malinovskiy A. A. Kontsept «silnoe gosudarstvo» v politiko-pravovom izmerenii // RUDN Journal of Law. — 2021. — T. 25. — № 3. — S. 506–526.
10. Ovchinskiy V. S. Radikalnyy liberalizm, silnoe gosudarstvo i ugovornaya politika // Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra. — 2008. — № 2 (15). — S. 78–84.
11. Ponkin I. V. Silnoe gosudarstvo // Pravo i gosudarstvo. — 2018. — № 1-2 (78-79). — S. 53–70.
12. Putin V. V. Rossiya sosredotachivaetsya — vyzovy, na kotorye my dolzhny otvetit // Gosudarstvennaya sluzhba. Vestnik Koordinatsionnogo Soveta po kadrovym voprosam, gosudarstvennym nagradam i gosudarstvennoy sluzhbe pri polnomochnom predstavitele Prezidenta Rossiyskoy Federatsii v Severo-Zapadnom federalnom okruge. — 2012. — № 1. — S. 6–16.
13. Timofeev M. S. N. Ya. Danilevskiy i tsivilizatsionnye osnovy silnogo rossiyskogo gosudarstva // Vestnik Rossiyskogo universiteta kooperatsii. — 2015. — № 3 (21). — S. 125–129.
14. Fukuyama F. Silnoe gosudarstvo: upravlenie i mirovoy poryadok v XXI veke. — M.: AST, Khranitel, 2006. — 220 s.
15. Chupakhina N. A. L. P. Karsavin o vozmoznykh sudbakh Rossii // Filosofskiy polilog. — 2019. — № 1. — S. 153–174.
16. Rice S. E., Patrick S. Index of State Weakness in the Developing World. — Washington, DC: The Brookings Institution, 2008. — 47 p.
17. Simon J. Law's Violence, the Strong State, and the Crisis of Mass Imprisonment (for Stuart Hall) // Wake Forest Law Review. — 2014. — Vol. 49. — P. 649–676.